

к 170-летию со дня открытия памятника Г. Р. Державину

Ольга Иванова

Кочующий памятник

151

8 ИЮЛЯ 1816 года в последний раз встало солнце для великого поэта, выдающегося государственного деятеля и первого министра юстиции Российской империи Гавриилы Романовича Державина. И жизнь его бурную, противоречивую, с высокими взлётами и сокрушительными падениями во многом повторил казанский памятник знаменитому земляку нашему – бронзовый истукан певца Фелицы.

Идея увековечивания памяти Державина возникла в Казани спустя два месяца после его кончины. При Казанском университете было проведено чрезвычайное собрание, посвящённое «отцу русских поэтов», уход которого всё общество восприняло как собственную трагедию. Для увековечения имени Державина профессором И. Яковкиным, председателем Казанского общества любителей отечественной словесности, было предложено в числе прочих и «поставление урны или памятника». Вопрос поднимался не единожды, но от слов к делу удалось перейти лишь спустя много лет. Если быть точными, то казанское общество добивалось права на установление памятника в родном городе поэта долгие двенадцать лет. Со страстным призывом выступал по этому поводу директор Первой Казанской гимназии И. Лажечников (будущий автор «Ледяного дома»): «Могу ли я умолчать об одном из приятнейших пред-

ложений наших? В то время, когда по всему протяжению России возносятся памятники великим мужьям ея... останется ли Казанская гимназия равнодушною к памяти Державина, получившего в ней начальное образование?! Здесь Гений-дитя испытывал свои силы; здесь одобрение наставников было первым лавровым листком того венца, которым почтило его со временем восторженное Отечество <...> Смело можно сказать: Державин был наш воспитанник. Кому же уступим честь первенства в почтении достойным образом памяти великого? Я полагал бы воздвигнуть ему здесь приличный монумент с изображением и надписью: «Воспитаннику своему Гавриилу Романовичу Державину – Казанская гимназия».

Такие горячие призывы звучали по всей Казани из уст общественных деятелей и со страниц периодических изданий. Но сей «неподъёмный воз» сдвинулся с места лишь в 1828 году, когда новый попечитель Казанского учебного округа М. Мусин-Пушкин откликнулся на очередную просьбу о составлении проекта памятника. Первый эскиз представил казанский художник Лев Крюков. Проект получил одобрение министра народного просвещения, однако Императорская Академия художеств отвергла его. Разработать новый вариант памятника поручили профессору архитектуры Абраму Мельникову. Знаменитый

зодчий выполнил проект в виде бюста на пьедестале, в чём не было никакой оригинальности и необычности, присущей натуре Державина. К тому же эскиз мало отличался от предложенного Крюковым. Но, видимо, имя профессора, незадолго до этого получившего первую премию за разработку проекта храма Христа Спасителя, сыграло свою роль. Эскиз Мельникова был одобрен Академией художеств и получил высочайшее утверждение Николая I.

В декабре 1831 года объявили сбор добровольных пожертвований по всей России-матушке. Но имеются интересные сведения, что с подачи попечителя Мусина-Пушкина в Казани деньги на эти цели начали собирать ещё летом 1830 года. «Я ласкаю себя надеждою, что все любители истинного просвещения и славы России с удовольствием примут участие в сооружении Памятника знаменитому нашему Поэту, бессмертному Державину», – писал Мусин-Пушкин ректору университета Н. Лобачевскому. Тогда же впервые был поставлен вопрос о месте установки монумента.

Сбор пожертвований сделался неожиданно популярен, взносы несли чиновники и титулярные советники, интеллигенция и студенты, простой люд. География списков огромна, поистине вся Россия жертвовала на любимого поэта в рублях и копейках, золоте и серебре. Едва ли стоит удивляться, что денег собрали гораздо больше, чем требовалось на скромный бюст. Об этом и было доложено императору министром внутренних дел Д. Блудовым. От него же поступило предложение создать новый проект такого памятника, который «по изяществу рисунка и размерам соответствовал цели изъявить уважение России к одному из первейших поэтов, и вместе с тем служил бы украшением довольно важного города в Империи, какова Казань». Конкурсантам предоставили полную финансовую свободу, и заявки поступали от множества архитекторов и скульпторов. В 1832 году совет Академии отобрал три работы, а император Николай I лично подвёл ито-

ги, и остановился на варианте К. А. Тона с его скульптурой и барельефами С. И. Гальберга.

В Казани продолжался активный поиск места для памятника. Споров по этому поводу было немало, предлагалось Арское поле, Чёрное озеро, площадь перед Казанским императорским университетом, а также Театральная площадь. Уже гораздо позже, когда шла работа по изготовлению монументального сооружения, в Казань прибыл император Николай I. При посещении университета ему понравился вид между главным корпусом и анатомическим театром. Здесь располагалась удобная площадка в форме полукруга с небольшим сквером посередине. Император нашёл, что это место как нельзя лучше других подходит для установления памятника великому русскому поэту.

А пока, сразу по окончании конкурса, в конце 1832 года, началось создание монумента. Но, как это часто случалось в жизни самого Державина, вмешалась коварная судьба. При прекрасном финансировании проекта и участии в нём истинных звёзд зодчества создание памятника затянулось на долгие годы. Академик Тон был занят руководством сооружения храма Христа Спасителя в Москве и лестницы со сфинксами на набережной Невы в Санкт-Петербурге. Он был завален работой по более важным, по его мнению, проектам, чем памятник Державину, который должен был стоять в провинции. И Самуил Гальберг не мог в полную силу отдаться созданию своего детища по причине тяжёлой болезни и последовавшей за этим безвременной кончины. Дальнейшую работу завершали его талантливые ученики скульпторы Н. Рамазанов и К. Климченко. Упомянулось и о мастере Гамбургере, отливавшем бронзовые детали. Гранитный постамент тесал петербургский мастер каменных дел Степан Анисимов, он же изготавливал ступени и лежачи к памятнику. Вся эта громоздкая и сложная работа в совокупности с неизбежными в таких делах остановками и досадными задержками тормозила появление на

свет памятника. И бронзовый Державин не спешил в родной город, хотя уже сам император избрал для него место. Впрочем, поэт и при жизни не лебезил перед царственными особами и часто показывал неумение прогибаться и подчиняться желаниям сильных мира сего.

Лишь по прошествии одиннадцати лет с начала этих грандиозных, невероятно затянувшихся работ в Казань отправили каменные части барельефа. Интересные сведения, пересказанные со слов очевидца, приводил на этот счёт академик Я. Грот. Когда груз был

доставлен по реке, на берегу на месте предполагаемой разгрузки проходило некое подобие ярмарки. Баржа некоторое время простояла без дела, так как перед городскими архитекторами и проректором университета встала проблема: для доставки требовались дорогостоящие и сложные приспособления. Приказчик судна разрешил всё оригинальным способом, он обратился к людям, собравшимся на ярмарке:

– Народ православный, вот приехал Держава. Как его перенести без вашей помощи? Народ православный, помощи перевезти Державу!

Толпа откликнулась на горячий призыв, соорудили салазки, и всем миром доставили каменные фрагменты на место.

А ещё через три года на баржах по Волге доставили огромную статую, отлитую из металла. Памятник приплыл по большой воде, во время разлива Казанки, чтобы баржа могла беспрепятственно пройти по Булаку до здания второй гимназии (на Левобулачной улице). При её разгрузке случилась ещё одна, теперь уже курьёзная история. Ректор университета хотел подрядить для этой работы немца Денике, который запросил на оплату целых 300 рублей. Но нашёлся один ремесленник-тележник Тимофей Деянов, взявшийся за это дело всего за 25 рублей. Он с двадцатью помощниками обещал сделать всю работу: разгрузку и доставку статуи в университетский садик. Начальство решило сэкономить и поручило сей нелёгкий, в прямом смысле этого слова, труд артели. Те взялись за дело ловко и дружно, приспособили какие-то самодельные дроги, и дотащили-таки казанского «Богатыря», как называли его многочисленные зеваки до университета. А вот тут и случилась беда: при переноске тяжёлого монумента внутрь двора не рассчитали высоту ворот Спижарного дома. Вздетая вверх рука бронзового поэта зацепилась за перемычку низких ворот, и памятник застрял. Артельщики решили применить силу, дёрнули самодельные дроги посильней, и... к ногам

испуганных работников упал указательный палец Державина. Тимофей Деянов со своими помощниками бежал с места преступления, испугавшись ответственности. Кто же после довершил работу по доставке – доподлинно неизвестно.

Но с этого момента в университетском дворе закипела работа. Львиная её доля пала на плечи казанских представителей – архитектора Х. Крампа и зодчего М. Коринфского. Писали, что в месте установки памятника побывала, казалось, вся Казань. И «16 июля статуя Державина при многочисленном стечении зрителей поднята была на блоках и поставлена на пьедестал. Леса <...> пока ещё не закрыли совсем памятник до дня торжественного открытия, можно видеть во всей красе величественную фигуру бессмертного Певца <...> Лицо его блистает вдохновением, взор устремлён горе, одна рука держит лиру, другая уже поднята <...> он готов ударить в струны. Кажется, из уст его готовы взлетать дивные строки...» Корреспондент «Казанских губернских ведомостей» именно так описывал событие, которое произошло в Казани летом 1847 года.

Торжественное открытие памятника Певцу Фелицы случилось 23 августа 1847 года. «Чудно было это зрелище, – взволнованно и проникновенно писал газетный репортёр. – День был ясный: на небе ни одного облачка, тихо <...> Многочисленные зрители покрывали весь обширный университетский двор; из всех окон главного корпуса университета смотрели люди, многие взобрались на самые кровли зданий, даже были зрители на Воскресенской колокольне и полицейской башне – и все, все молились об успокоении души почившего...»

Монумент впечатлял! Скульптура изображала поэта в римской тоге, с непокрытой головой и лёгкими сандалиями на ногах. Правая приподнятая его рука была вооружена стилем, другая опиралась о лиру. С устремлёнными в небо глазами поэт, по задумке авторов, декламировал свою «Оду Богу». На лицевой стороне постамента, выполненно-

го из красного гранита, золотом горела надпись: «Г. Р. Державину. 1846». Дата открытия памятника оказалась просроченной, но в этот торжественный долгожданный день мало кто обращал на это внимание. Постамент являл собой великолепное зрелище, которое горожане с удовольствием рассматривали со всех сторон. Справа на постаменте предстал поэт, который декламировал свои стихи Фелице. Немного в стороне от них прекрасным строкам внимали три грации. Левая сторона постамента изображала аллегория: просвещение побеждало невежество, и оно, поверженное, роняло маску. В центре барельефа к юному Державину в короткой тунике, с вьющимися волосами прикасается сам бог поэзии. Аполлон протягивает ему руку, а Фелица призывает служить ей. Последний фрагмент изображал две женские фигуры, олицетворяющие «День» и «Ночь», вечных спутниц поэта, когда он без усталости творил свои бессмертные произведения.

В университете затеяли большое торжество. Лестницу и залы украсили, как в дни больших праздников, и все желающие устремились туда. Из ряда профессоров вышел проректор Императорского Казанского университета К. Фойгт и начал тихим, дрожащим от волнения голосом «Похвальное слово» Гаврииле Романовичу Державину. Мало кто из нескольких сотен присутствовавших удержался тогда от трепета в груди, от радостных слёз и гордости за своего земляка и за причастность к большому историческому событию. Коренные жители тут же окрестили памятник «Бакыр-бабаем», то есть Медным дедушкой. И от простонародного этого прозвища веяло настоящим теплом и любовью к своему великому земляку.

«Отец русских поэтов», потомок рода татарского мурзы Багрима вернулся к своим корням, на родную землю и словно декламировал свои строки:

О колыбель моих первоначальных дней!
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освещусь опять твоей зарей
И твой по-прежнему всегдашний
буду житель?

Он снова стал жителем дорогой его сердцу Казани, и душа поэта должна была успокоиться этим обстоятельством, но, увы, предвидела ли она, как недолго её образу предстояло украшать университетский дворик.

В 1860 году казанский военный губернатор принялся ходатайствовать о переносе памятника Державину на Воскресенскую площадь (ныне площадь Свободы). Городской думе было предписано найти на это необходимые средства. Начался очередной сбор пожертвований, но в этот раз денежный поток был не таким щедрым, многие выступали против переноса памятника. Через семь лет и губернское земство принялось хлопотать об этом деле, так как считали главную площадь города более значимым местом для великого поэта и выдающегося государственного деятеля. В феврале 1868 года император Александр II удовлетворил просьбу земства. Но сбор пожертвований на эту работу по-прежнему шёл медленно. В сатирическом журнале «Искра» вышел фельетон, публицист Н. Деметр под псевдонимом И. Скалозубов проехался по этому поводу крайне едко. Фельетон назывался «О том, как казанское земство перетаскивает на мужицкий счёт поэта Державина с места на место». В какой-то степени название фельетона оказалось пророческим. После определённой подготовки, как описывали «Казанские губернские ведомости», памятник был не перевезён, а именно перетащен толпой народа на Театральную площадь. И длилось это по-своему знаменательное действие с 3 до 9 часов пополудни. Окажись сам поэт в это время среди толпы, посмеялся бы, наверно, от души и не преминул бы описать происходящее с присущим ему юмором и талантом.

Весной 1871 года вокруг памятника разбили сквер, который со временем превратился в Державинский сад.

Но спустя 85 лет советские власти приняли решение о сносе памятника Державину. Официальная версия: в стране не хватало бронзы, а поэт

Державин, как «влиятельный вельможа, лстивый царедворец, помещик-крепостник и усмиритель пугачёвского бунта» не имел права на увековечение памяти. Была и ещё одна причина, считалось, что монумент помешает постройке нового оперного театра.

Река времён в своём стремленье
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остаётся
Чрез звуки лиры и трубы
То вечности жерлом пожрётся
И общей не уйдёт судьбы.

Не предвидел ли гений поэта такой судьбы своего памятника и такого жестокого забвения любимых земляков. Впрочем, власть — это ещё не весь народ. Никто и не собирался устраивать голосований по этому поводу, да и прессы в те годы была полностью на стороне решений властей, какими бы кощунственными они ни были.

«Красная Татария» опубликовала статью «С пьедестала на мостовую». Корреспондент С. Ефремов красочно описывал свершившееся событие: «Советское правительство низложило Державина с литературного трона и швырнуло последнего дворянина Казани с пьедестала на мостовую. Первым борцом за пролетарскую Казань был Емельян Пугачёв. На месте памятника Державину нужно поставить памятник Пугачёву, первому борцу за пролетарскую Казань».

Трагическое для почитателей великого поэта событие, которое случилось в начале лета 1931 года, описал Ахат Мушинский. В его романе «Шейх и звездочёт» со слов очевидца рисуются ужасающие душу подробности, как толпа свергала бронзового поэта, любимого всем народом Бакыр-бабая. Как под дружный рёв с подобным стоном скрежетом рухнул он на землю. И вспоминается вдруг, как толпа дедов и прадедов тех же людей несли когда-то державинский монумент на руках к университету. А после так же бережно перетаскивали бронзового гиганта на Воскресенскую

площадь, где в этот весенний день их внуки и правнуки беспощадно расправились со своим земляком. Памятник был разбит кувалдами и увезён в трамвайный парк на Арском поле, где его и переплавили в вагранке. И выдающийся поэт «пошёл» на бронзовые втулки для трамвайных колёс. Напевали ли они казанцам и пассажирам всей необъятной земли российской знаменитые державинские строки, задавал ли их перестук те ритмы, какие рождали стихи поэта?

Не в летний ль знойный день
прохладный ветерок
В легчайшем сне на грудь мою
приятно дует?

Не в злаке ли журчит
хрустальный ручеёк?
Иль милая меня в тени древес целует?
Нет! арфу слышу я: её волшебный звук,
На розах дремлющий,
согласьем тихоструйным,
Как эхо, мне вдали щекошет нежно слух;
Иль шумом будит вдруг
вблизи меня перуным.

Но всё в нашем мире однажды возвращается на круги своя. Вернулось и время, когда окончилась «охота на ведьм», и прежние кумиры, чьи заслуги сама История признала бесспорными и вечными, вновь возникли из небытия. В июле 2000 года Кабинетом Министров Республики Татарстан было принято постановление о подготовке к празднованию 260-летия Г. Р. Державина и о восстановлении его памятника.

Конкурсная комиссия выбрала проект, который предложил казанский скульптор Махмуд Гасимов. Всем понравилась идея автора об изготовлении предельно точной копии прежнего монумента. Для воссоздания его пришлось воспользоваться сохранившимися в архивах фотографиями памятника, старинными рисунками и гравюрами. Размеры скульптуры со скрупулёзной точностью вычислялись на компьютере. Председатель Союза архитекторов РТ Розалия Нургалеева разработала архитектурное решение проекта. В своём современном виде он включил декоративный полукруг за монументом и светильники. В остальном памятник

задумался практически точной копией по своему внешнему виду, размерам, изготовлению из бронзы и даже ошибкой с годом. Решено было оставить на постаменте дату 1846, вместо 1847.

Изготовление памятника осуществлял Казанский экспериментально-производственный завод ВКНИИ ВОЛТ. Известно, что и тут не обошлось без трудностей, которыми был славен путь великого поэта. Металл, который готовили для памятника, похитили неизвестные. Казанские литейщики отливали голову, торс и руку с лирой из трёх тонн бронзы, оставшейся от монумента Екатерине Великой. Не символично ли это, коль через толщу лет вновь пересеклись пути Фелицы и её Певца? Вскоре был найден и похищенный металл, и литейщики смогли завершить работу.

В августе 2003 года были начаты подготовительные работы по установке памятника. Новым местом для него стал Лядской садик. Интересен тот факт, что Державину, столь блестяще воспевавшему победы русского оружия над турками, было определено место напротив Генерального консульства Турецкой Республики в РФ.

Торжественное открытие возрождённого монумента состоялось 3 декабря 2003 года. Речь президента Татарстана М. Ш. Шаймиева, которую он произнёс на открытии памятника, была,

пожалуй, не менее эмоциональна, чем слова профессора Фойгта в 1847 году: «После долгих лет Гавриил Державин вернулся в родные края и занял своё достойное место<...> Наконец-то в год 260-летия нашего великого земляка город увидел возрождённый памятник. Наши архитекторы сделали великое дело – сумели повторить то, что в своё время было под силу только великим Тону и Гальбергу».

Современный памятник всё же имеет некоторые отличия: прежний монумент был выше за счёт пьедестала и лестничного подножия. Так же изображение граций на барельефе немного изменено в связи с тем, что прежнее их вид критиковался из-за физического несовершенства. Впрочем, важно ли это, если свершилось главное, и потомок мурзы Багрима вернулся на родную землю, в город, который любил, и принадлежностью к этим местам гордился безмерно?

Я памятник себе воздвиг чудесный,
вечный,
Металлов твёрже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит
быстротечный,
И времени полёт его не сокрушит.
Так! – весь я не умру,
но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастёт моя, не увядая,
Доколь славянов род
вселена будет чтить.

